

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 177–185

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 177–185

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-177-185>

Научная статья

УДК 821.111(73).09|18/19|:278.17+929Вулмен

Образ Джона Вулмена в англоязычной публицистике 1850–1940-х гг.: агиографические мотивы

Д. В. Абдурахманова-Павлова

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Абдурахманова-Павлова Дарья Владимировна, аспирант кафедры истории зарубежных литератур, dvap_19@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4887-1898>

Аннотация. Джон Вулмен – квакерский проповедник XVIII в., вошедший в историю американской литературы благодаря духовной автобиографии – «Дневнику» (*The Journal*, 1774 г.). В 1850–1940-х гг. автобиографический образ, созданный Вулменом, привлекает большое внимание критиков и публицистов; в данный период издается значительное количество публицистической литературы о Вулмене, в которой заметна «агиографизация» фигуры проповедника как предтечи американского антирабовладельческого движения. Существует гипотеза, что важнейшую роль в процессе агиографизации образа Вулмена сыграл американский поэт XIX в. Дж. Г. Уиттнер, и что именно его эссе о Вулмене положили начало «агиографической» традиции. Представляется, что точнее было бы говорить об укреплении поэтом уже зародившейся к тому времени традиции. В посвященной Вулмену публицистике можно выделить следующие черты, ассоциирующиеся с канонами житийных текстов: 1) (полу-)анонимность ряда сочинений; 2) частотное использование по отношению к Вулмену эпитета «saint»; 3) гиперболизация роли проповедника в истории и сопоставление его с известными святыми; 4) мотивы «рождения в благочестивой семье» и «восхваления родины святого»; 5) создание идущего вразрез с биографическими фактами портрета Вулмена как человека малоимущего и неграмотного; 6) акцентирование внимания на таких качествах его характера, как детскость и абсолютная правдивость. В данной статье делается вывод, что агиографизация фигуры Вулмена способствовали как историческая ситуация в США середины XIX в. – первой половины XX в., так и особенности «Дневника» проповедника, определенная доля «пластичности», заложенная в созданном Вулменом автобиографическом образе.

Ключевые слова: Джон Вулмен, квакерство, «Общество Друзей», дневник, аболиционизм, агиография, агиографизация

Для цитирования: Абдурахманова-Павлова Д. В. Образ Джона Вулмена в англоязычной публицистике 1850–1940-х гг.: агиографические мотивы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 177–185. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-177-185>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

John Woolman's image in the English non-fiction in the 1850–1940s: Hagiographical motives

D. V. Abdurakhmanova-Pavlova

Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia

Daria V. Abdurakhmanova-Pavlova, dvap_19@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4887-1898>

Abstract. John Woolman, an 18th century Quaker preacher, is known in the history of American literature for his spiritual autobiography titled *The Journal* (1774). The 1850–1940s is a period when Woolman's autobiographical character attracts the attention of British and American critics and essay writers. They publish a significant number of non-fiction texts, which contain numerous elements of hagiography in Woolman's portraiture, depicting him as a saintly proto-abolitionist figure. According to recent studies, the pioneering role in Woolman's literary "sanctification" belonged to the 19th century American poet John Greenleaf Whittier, and it was his essays about Woolman that established the "hagiographical" tradition. The paper suggests, however, that the poet followed the tradition which had started earlier. The following "hagiographical" elements may be distinguished in the analyzed non-fiction texts: 1) (semi-) anonymity of several texts; 2) frequent use of the adjective "saint" in reference to Woolman; 3) overestimation of Woolman's historical significance as "the first abolitionist"; comparisons with famous saints; 4) the motif of being born in "a pious family" and "eulogizing on the birthplace of the saint"; 5) historically inaccurate portrayal of Woolman as a poor and semiliterate person; 6) emphasizing such psychological traits as childlikeness and absolute truthfulness. The conclusion is that Woolman's sanctification was promoted by the historical situation in the USA of the 1850–1940s as well as by *The Journal* itself and a certain "flexibility" inherent in Woolman's autobiographical text.

Keywords: John Woolman, Quakerism, The Society of Friends, journal, abolitionism, hagiography, sanctification

For citation: Abdurakhmanova-Pavlova D. V. John Woolman's image in the English non-fiction in the 1850–1940s: Hagiographical motives. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 177–185 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-177-185>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Квакерский¹ проповедник Джон Вулмен (John Woolman, 1720–1772) – один из интереснейших американских авторов колониального периода. Его перу принадлежит ряд религиозных сочинений и эссе, посвященных социальным проблемам эпохи, а также знаменитый «Дневник» (полное название *A Journal of the Life, Gospel Labours, and Christian Experiences of that faithful minister of Jesus Christ, John Woolman*; опубл. в 1774 г.) – духовная автобиография Вулмена, неизменно включаемая в состав собраний классики американской литературы, антологий исповедальной и духовной прозы Нового Света.

Подобно своему знаменитому современнику и соотечественнику Бенджамину Франклину, Джон Вулмен в течение жизни освоил целый ряд профессий – он занимался портняжным ремеслом и садоводством, работал землемером, нотариусом, школьным учителем, держал собственный магазин. Вулмен происходил из большой семьи, много путешествовал, поддерживая таким образом связи между живущими в разных провинциях «Друзьями» (квакерами). Однако значительная часть жизни Вулмена остается «за скобками» его автобиографического текста: внимание в «Дневнике» сосредоточено преимущественно на духовном аспекте его истории.

Являясь духовной автобиографией, «Дневник» воссоздает историю Вулмена – глубоко религиозного человека, приверженца мистической доктрины, предписывающей верующему во всех своих поступках следовать голосу «Божественной Истины» (*the Heavenly Truth*), или же «Внутреннего Света» (*the Inward Light*). Откровение, даруемое свыше герою «Дневника», побуждает его делать все от него зависящее, чтобы в земной мир вернулась некогда утраченная им гармония. Подразумевается, в первую очередь, гармония социальная, т.е. равноправие и свобода всех людей – «братьев по творению» [1, с. 37, 88, 167] (“fellow creatures” [2, p. 29, 62, 122]).

В текст «Дневника» входит двенадцать глав, первые три из которых обращены к прошлому: в них тридцатипятилетний Вулмен вспоминает свои детские и юношеские годы, свои внутрен-

ние борения и последующее утверждение в вере. Далее текст продолжается уже в дневниковой форме; на протяжении шестнадцати лет автор фиксирует значительные события своей духовной жизни, рассуждает на страницах «Дневника» о социальных и религиозных вопросах. Характерно, что в описании «внешних» событий жизни (например, различных поездок) Вулмен весьма лаконичен; главным для него остается интроспективный взгляд. События «внешней» жизни включаются в текст постольку, поскольку они повлияли на внутреннее становление героя. Примером может послужить один из самых известных эпизодов «Дневника», посвященный продаже рабыни (глава I); в этой процедуре Вулмен вынужден был участвовать по долгу службы. Чувствуя внутренний протест, Вулмен, однако, выполняет данное ему поручение и выписывает чек на продажу. Этот опыт, тем не менее, становится для героя «Дневника» поворотным моментом, моментом ясного осознания им несовместимости рабства с идеалами религии. С тех пор существенную часть своих усилий как проповедника Вулмен направляет на убеждение единоверцев в необходимости отказаться от рабовладения.

С середины XX в. «Дневник», а также эссеистика Вулмена привлекают все большее внимание ученых – историков, религиоведов, филологов. Читательский и публицистический интерес к Вулмену, однако, зародился значительно раньше и проявился в посвященных ему многочисленных отзывах и очерках. Представляется, что история рецепции творчества Вулмена и восприятия его фигуры как таковой заслуживает особого внимания. Эту историю можно условно разделить на три этапа.

1. 1774 г. – рубеж 1840–1850-х гг. В течение нескольких десятилетий, последовавших за первым изданием, «Дневник» приобретает известность в антирабовладельческих кругах США, Британии и Франции [3]. Кроме того, о «Дневнике» восхищенно отзываются такие мэтры литературного мира, как Сэмюэль Тейлор Кольридж, Чарльз Лэм, Генри Крабб Робинсон. Большинство отзывов этого периода, однако, лаконичны по объему и в совокупности могут рассматриваться как «предыстория» интерпретации наследия Вулмена критиками и публицистами.

2. Середина XIX в. ознаменовалась усилением публицистического интереса к Вулмену.

¹ Квакерство, или «Общество Друзей» – протестантское течение, зародившееся в Британии в середине XVII в. и в дальнейшем распространившееся также в американских колониях. Ключевыми для квакерства являются понятие «Внутренний Свет» (*the Inward Light*), как потенциально доступного каждому человеку божественного откровения, а также идеалы равенства (*Equality*), пацифизма (*Peace*), честности (*Integrity*), простоты (*Plainness*).

Период с рубежа 1840–1850-х гг. до середины XX в. можно назвать «агиографической» эпохой в истории восприятия личности проповедника. Ее начало связано с происходившей в США активизацией движения аболиционистов и публикацией ряда антирабовладельческих эссе поэта Джона Гринлифа Уиттьера (1807–1892). Фигура Вулмена как одного из первых известных противников рабовладения в этот тяжелый период истории США привлекает к себе большое внимание; проповедник становится, в интерпретации антирабовладельческой публицистики, своего рода «святым», моральным авторитетом и предтечей аболиционизма. Его образ приобретает черты легендарности. Основным источником при этом является сам «Дневник». Следует отметить, что интерес к фигуре Вулмена сохраняется и после отмены рабства: в последующие периоды в образе Вулмена находят пример человека, который, основываясь на глубоко религиозном мироощущении, опередил свое время в вопросах антирасизма, пацифизма, экономического этики. Неслучайно один из трактатов Вулмена, «Ходатайство о бедных» (*A Plea for the Poor*; на русском языке издан в переводе Т. А. Павловой), был широко востребован на рубеже XIX–XX вв. сторонниками британского «Фабрианского общества» [4, р. 14]. Не только единоверцев Вулмена, но и представителей иных конфессий его личность привлекает как олицетворение «практического» христианства, а история его жизни – как опыт реального воплощения религиозных идеалов.

3. С 1950-х гг., на фоне развития американистики, а также благодаря накоплению значительного биографического материала, неуклонно возрастает сугубо научный интерес к наследию Вулмена. Появляется значительное количество диссертаций, научных статей, монографий о нем. Предпринимаются академические, прошедшие текстологическую подготовку, издания «Дневника». На месте агиографизированного образа все четче проступает портрет Вулмена как исторической личности, человека своей эпохи, биография которого, безусловно, не исчерпывается сюжетом «Дневника». В настоящее время творчество Вулмена – это весьма активно разрабатываемая в рамках *American Studies* тематика, находящаяся на стыке различных дисциплин: истории, филологии, религиоведения. В то же время следует отметить, что некоторые элементы «канонизации» личности проповедника сохраняются как в публицистике, так и в академической литературе данного периода, вплоть до наших дней.

Предметом настоящей статьи является преимущественно второй, «агиографический»,

период в истории восприятия образа Вулмена. Сам факт такой агиографизации уже фиксировался исследователями; в частности, о нем пишет в своей монографии 2012 г. выдающийся специалист по творчеству Вулмена, американский историк Джеффри Плэнк. Новизна данной статьи состоит в том, что к исследованию привлекаются прежде не становившиеся предметом специального рассмотрения публицистические тексты о Вулмене 1850–1940-х гг. и предпринимается попытка выделить и систематизировать использованные в них агиографические мотивы.

Рассматривая данные мотивы, безусловно, следует иметь в виду некоторую условность использования термина «агиография» применительно к представителю одной из протестантских конфессий, в которой отсутствует культ святых. В данном случае используется расширительное толкование термина, подразумевающее разного рода тексты, сосредоточенные на образе и судьбе праведника, носителя исключительных качеств, личности «образцовой» с точки зрения того или иного вероучения или идеологии.

Агиографизация образа Вулмена может быть объяснена конкретными историческими причинами: это обострившееся в США к середине XIX в. противостояние между сторонниками и противниками рабовладельческой системы, последовавшая за этим Гражданская война 1861–1865 гг. и сохранившиеся в дальнейшем идеологические конфликты в американском социуме. Разобщение омрачало в ту эпоху и жизнь «Общества Друзей (квакеров)»: в 1827 г. квакеры разделились на две группы: ортодоксов и хикситов [5]. При этом, однако, Вулмен был одинаково почитаем обеими группами как духовный авторитет, и этот факт дальновидно обратил на пользу делу аболиционизма Уиттьер. Знаменитый квакерский поэт стремился объединить единоверцев в кампании за отмену рабства; образ Вулмена, особенно в его агиографизированной интерпретации, мог сыграть важную роль в этом объединении. Именно сочинения Уиттьера – несколько его эссе и предисловие к переизданному им в 1871 г. «Дневнику» Вулмена – по мысли Плэнка, положили начало традиции изображения Вулмена как святого и провозвестника отмены рабства [6, р. 2]. На это наблюдение Плэнка опирается разграничение первого и второго периодов в предложенной выше хронологии. В то же время следует иметь в виду, что отдельные элементы агиографизации образа Вулмена, как будет показано далее, проявлялись и до Уиттьера – в частности, в отзывах Лэма и Робинсона.

Предваряя рассмотрение агиографических мотивов в публицистике, важно подчеркнуть,

что житийные каноны играют значительную роль уже в самом «Дневнике». Культивируя в своей жизни и поведении основополагающие для вероучения квакеров идеалы, герой «Дневника», подобно героям средневековой житийной литературы, служит дидактическим примером, моделью для подражания. Вместе с тем, как это ни парадоксально, Вулмена вряд ли возможно «уличить» в самоканонизации. Показателен тот факт, что Вулмен неоднократно редактировал «Дневник», стремясь свести к минимуму использование местоимения «я» [7, р. 1]. В 1922 г. автор одной из первых научных биографий Вулмена, Эмилия Гуммер, назвала «Дневник» «самой безличной автобиографией в истории» [8, р. x], и в последующем с ней соглашались многие ученые: книгу характеризовали как «автобиографию без героя» [9, р. 40] или же как историю «реконструированного “я”» [10]. Исследователи обращают внимание на явное предпочтение Вулменом страдательного залога [11, с. 25], а также на ряд других особенностей текста, создающих эффект «самоотрешенности» автора – не переходящей, однако, в принижение себя. Глубоко восприняв характерную для квакерства идею равной значимости всех людей, Вулмен, по точному замечанию Эдит Ливсэй, сумел «избежать себялюбия в обоих его обликах: самовосхваления и ложной скромности» [12, р. 242].

Возможно, отчасти именно в силу определенной «недорисованности» автопортрет, созданный Вулменом в «Дневнике», стал пластичным материалом для агиографических трансформаций. Показательны слова британского критика Г. К. Робинсона (1824 г.): «Будь автор “Дневника” менее скромн, он бы написал даже лучше; однако боязнь поддаться тщеславию побудила его умолчать о событиях, в которых он сыграл огромную роль» [13, р. 2; цит. по: 3, р. 100].

Именно такой ход мысли читателей и критиков, вероятно, во многом и способствовал агиографизации образа Вулмена. В круг выбранных для исследования текстов вошли эссе, публицистические статьи, предисловия к изданиям Вулмена, а также посвященные ему биографические очерки и дидактические сочинения для юношества. Несмотря на то, что многие из рассмотренных текстов являются, по сути, комментированными пересказами «Дневника», опора на этот первоисточник, как будет показано далее, в ряде случаев сочетается с утверждениями, противоречащими ему.

Предваряя выявление агиографических мотивов в перечисленных текстах, следует отметить, что знатоки жанра указывают на бытование в житиях чрезвычайно развитой системы

стандартных мотивов: агиография, по словам Т. Р. Руди, является «одним из самых формализованных литературных жанров» [14, с. 59], ярким воплощением законов нормативной поэтики. Примерами распространенных в житиях мотивов могут послужить мотивы рождения святого от благочестивых родителей, восхваления его родины, посвящения святого родителями Богу, детской любви святого к чтению и равнодушия к играм, обладания даром пророчества и творения чудес и многие другие [15].

В ряде посвященных Вулмену публицистических текстов элементы агиографизации наблюдаются уже на паратекстовом уровне. Они заметны, во-первых, в (полу)анонимности нескольких очерков (примеры: «John Woolman» (журнал «Friends Review». 1852. Vol. 5); «Saint John Woolman» (журнал «The Eclectic Review». 1861, Vol. 5); книга R.P.A. «Sister Ruth's Stories for the Young: or, Evenings with John Woolman» (Philadelphia, 1865)). Соккрытие/сокращение авторами своего имени в определенной мере следует средневековой традиции анонимных житий, а также может рассматриваться как реализация характерного для агиографии мотива самоуничтожения автора [15, с. 742]. (Этот мотив заметен также у Дж. Г. Уиттьера, отмечающего, что чувствует свое несоответствие, «обрисовывая фигуру такой нравственной и духовной красоты...» [16, р. 49].) Во-вторых, обращают на себя внимание такие заголовки, как «Святой Джон Вулмен» («Saint John Woolman»; «An American Saint» в книге: Dalglish D. People Called Quakers (New York, 1938). Более поздним примером является книга Э. Кэйди «John Woolman: The Mind of the Quaker Saint» (New York, 1966)). Святым Джон Вулмен прямо называется также и в самих текстах, хотя в них часто используется не *saint* («святой»), а *saintly* (что может переводиться, скорее, как «праведный», «похожий на святого»).

Многие авторы сетуют на то, что имя Вулмена пользуется меньшей известностью, чем он того заслуживает. «Лишь изредка, – пишет баптистский проповедник Дж. Ф. Ньютон, – такие люди появляются на нашей земле, и, безусловно, не было в Новом Свете души чище и прекраснее» [17, р. 44]. Английский эссеист и поэт Ч. Лэм, в свою очередь, пишет, что фигура Джона Вулмена – «одна из самых удивительных», которые когда-либо ему встречались [18, р. 371; цит. по: 3, р. 99]. Определяя масштаб личности проповедника, практически все авторы сравнивают его с теми или иными знаменитыми людьми. Среди них встречаются, с одной стороны, представители культуры – такие как автобиограф и религиозный мистик Жанна-Мария Гюйон (1648–1717), священнослужитель и писатель Франсуа де

Фенелон (1651–1715)², с другой стороны – политические деятели, такие как британский парламентарий, известный своей кампанией за отмену работорговли, Уильям Уилберфорс (1759–1833).

Античными предшественниками Вулмена предстают «христианин до Христа» Сократ [19, р. 136] и «мудрый язычник» Марк Аврелий; средневековыми – Августин Блаженный, Св. Франциск Ассизский [16, р. 34, 45, 4], Ян Гус, Екатерина Сиенская [20, р. ix]. Нередки также сопоставления с апостолами [16, р. 43] и рыцарями-крестоносцами [21]. Закономерно, что в соответствии с одним из важнейших мотивов житийной литературы, мотивом *imitatio Christi*, проповедник часто сравнивается с Иисусом Христом: «Это был один из тех редких христиан, которые действительно похожи на Христа...» [22, р. 1]. Безусловно, особенную роль в текстах о Вулмене (а также и в самом «Дневнике») играет образ пророка Моисея, освободителя еврейского народа от рабства [23, р. 89, 106].

Практически повсеместно внимание акцентируется на пророческой и уникальной роли Вулмена в истории [17, р. 47, 75]. Уиттьер пишет: «... значение жизни [таких людей] едва ли понятно их современникам, а быть может, и им самим» [16, р. 1]. По отношению к Вулмену распространена формула «первый аболиционист» [23, р. 36]. Характерно рассуждение, произнесенное от лица одной из юных героинь-слушательниц дидактического повествования «Истории сестры Руфи, рассказанные ею детям, или Вечера с Джоном Вулменом»: «Поразительно... что среди всех хороших людей той эпохи не нашлось ни одного человека, который стал бы соратником Джона Вулмена; что все были настолько слепы к несправедливости рабства, никто не готов был трудиться ради освобождения угнетенных <...>. Можно лишь удивляться, что он не разочаровался во всем, трудясь в одиночку» [23, р. 88].

Автор одного из предисловий к «Дневнику» даже сравнивает масштаб роли Вулмена в истории с ролью Наполеона [24, р. xiv]. Рассуждая об историческом значении фигуры Вулмена, Уиттьер пишет, что оно «относительно не ограничивается религиозным сообществом, к которому он принадлежал», но «обнаруживается везде, где совершался шаг в сторону освобождения – будь то Америка или Европа» [16, р. 31]. Проследив цепочку исторических событий, Уиттьер показывает влияние Вулмена на основание французского «Общества друзей чернокожих», на развитие и распространение антирабовладель-

ческих идей в разных странах. Обратившийся в квакерство француз Стефан Греллэ (1772–1855) проповедовал идеи Вулмена и в России, встречаясь с императором Александром I, что, по Уиттьеру, сыграло свою роль в истории российской антикрепостнической мысли. В свою очередь, Дж. С. Лэск отмечает: «Усилия Вулмена, направленные на отмену работорговли, важны не только в силу их исторического первенства по времени, но и потому, что они доказали способность одной-единственной личности внести огромный вклад в ход истории» [21, р. 40].

Подобная трактовка роли Вулмена в развитии американского антирабовладельческого движения, безусловно, основана на значительной гиперболизации. Будучи ярким представителем раннего этапа данного движения, Вулмен, однако, вряд ли может считаться его лидером или тем более основателем; можно лишь предположить, что его самого немало удивило бы звание «первого аболициониста», поскольку в действительности первые выступления против рабства происходили в американских колониях еще столетием ранее, в XVII в. [6, р. 100]. В годы жизни Вулмена это направление в общественной мысли было уже весьма развито (причем не только среди квакеров [24]); в ближайшем окружении проповедника было немало его единомышленников [6, р. 4]. Преувеличение роли Вулмена, однако, было, по мнению Плэнка, сознательным шагом Уиттьера, который считал его важным для консолидации антирабовладельческой мысли в среде квакеров.

Рассмотрим далее следующие мотивы в «агиографизированном» образе Вулмена.

Такой традиционный для жития мотив, как «рождение в благочестивой семье», присутствует в самом «Дневнике» и регулярно воспроизводится в рассмотренных текстах. О своих родителях-квакерах автор «Дневника» рассказывает, что они с детства давали ему «благочестивые наставления» [1, с. 30]. У Вулмена было двенадцать братьев и сестер, однако подробно он говорит лишь об одной сестре – Элизабет (1716–1747), жившей «самоотверженной, примерной жизнью, отдавая много времени чтению и духовным размышлениям» [1, с. 51]. Аналогичным образом автор «Историй сестры Руфи» особо останавливается на образе Элизабет Вулмен как «удивительно спокойной, не по годам вдумчивой девушки» и заключает рассказ стихотворением английской поэтессы А.-Л. Барбо о праведнике [23, р. 50].

Следующий мотив, заметный в рассматриваемой публицистике, – это своеобразные вариации «восхваления родины святого». В качестве восхваляемой родины при этом выступает не

² Примечательно, что и Мадам Гюйон, и Фенелон были приверженцами квиетизма – христианского мистического течения XVII–XVIII вв., нередко сравниваемого с квакерством.

целая страна или город, а родные места Вулмена – дом и ферма близ городка Маунт-Холли, где он вырос, и дом с садом неподалеку, где он жил уже взрослым. Дом проповедника предстает у многих авторов как некая миниатюра рая, оазис умиротворения. Дж. Ф. Ньютон пишет: «Там, на ручье Рэнкокас в Западном Джерси, среди своих яблонь, которые он сажал и выращивал, он был счастливее всего <...>. Это была скромная обитель, но он был доволен. <...> Со своей маленькой фермы он смотрел вокруг со смешанным чувством удивления и огорчения на тревоги и беспокойства этого мира...» [17, р. 48].

Образ жилища, расположенного на возвышении и дающего широкий обзор, возникает и у другого автора: «Скромный дом Вулмена был... защищен деревьями, которые он любил и за которыми ухаживал; располагался он на высочайшей точке округи – холме, который возвышается над уровнем моря примерно на шестьдесят метров и с которого открывается широкий вид на роскошную долину вокруг...» [22, р. 4]. В свою очередь, Уиттгер пишет о прекрасных падубных рощах Маунт-Холли, в тени которых Вулмен, «несомненно, часто гулял <...> общаясь с природой и размышляя о жизни...» [16, р. 10]. Интересно, что аналогичный образ уютного, безмятежного пространства возникает и в «Историях сестры Руфи», но уже не по отношению к жилищу Вулмена, а в описании дома, где собираются дети, чтобы послушать о нем: «И вот вечером они вновь пришли <...>. За окном потихоньку накрапывал дождь, и стук капель по крыше звучал неспешно и меланхолично. Но когда закрылись ставни и зажглись лампы, наша дружная стайка забыла о непогоде за стенами...» [23, р. 29].

Другой распространенный мотив в портретах Вулмена – его «бедность» и аскетический образ жизни. Стандартным, со времен Робинсона [13, р. 2; цит. по: 3, р. 100], являлось клише «бедный портной» (a poor tailor). Как пишет Ньютон, «будучи всего лишь скромным портным, подобно тому как Якоб Бёме был простым сапожником, Вулмен был, тем не менее, велик в своем благородстве, и если бы какая-нибудь невидимая рука стала писать историю его влияния, какая это была бы история!» [17, р. 43]. Сходным образом Уиттгер отмечает, что «он был бедным человеком, но правда была для него ценнее денег» [16, р. 11], а знаменитый британский историк Дж. М. Тревельян подчеркивает, что, и так «не имея больших средств» [19, р. 139], Вулмен все равно всячески дополнительно себя ограничивал, стремясь, во-первых, блюсти квакерский завет «простой жизни» и, во-вторых, не пользоваться плодами рабского труда.

Если стремление Вулмена к аскетизму вполне соответствует биографическим данным (как и тексту «Дневника»), то его бедность, безусловно, преувеличена. Неточно и определение его исключительно как «портного», поскольку портняжное ремесло было далеко не единственным занятием Вулмена: как уже говорилось выше, ему довелось освоить целый ряд специальностей. Вулмен, безусловно, не принадлежал к наиболее богатому слою поселенцев, но и малоимущим его назвать трудно. Ближе к объективной картина, описанная в «Историях сестры Руфи» репликой одной из юных слушательниц: «Чем больше я узнаю о Джоне Вулмене... тем больше я изумляюсь, какой это был человек – возвышенный, полный достоинства и простоты. С его предпринимательскими способностями он мог приобрести немалое богатство, с его умом была открыта дорога к славе и могуществу <...>. Однако он заглушил в себе голос амбиций, и слушал лишь голос своего Создателя...» [23, р. 42--43].

Действительно, Вулмен – поселенец в третьем поколении, старший сын в семье, жившей в активно развивающейся экономически общине – имел немалые перспективы, хорошие деловые связи и, кроме того, склонность к предпринимательству: иначе говоря, как пишет американская исследовательница М. Стюарт, «у него были все шансы стать богатым и влиятельным человеком» [26, р. 253]. Сознательно ограничивая, в силу религиозных убеждений, свои торговые операции и другие источники дохода, Вулмен все же оставался сравнительно обеспеченным человеком, а потому клише «бедный портной» – это, безусловно, элемент агиографического мифа.

Типичным визуальным мотивом в образе Вулмена является его «домотканая одежда» (homespun clothes) (данный мотив является отсылкой к самому «Дневнику», а именно к рассуждению Вулмена о преимуществе некрашеной одежды). Рассказывая об одном из квакерских собраний, Уиттгер пишет: «Конечно, присутствовал и Джон Вулмен – человек, судя по его наряду, скромный и бедный; его простая домотканая одежда из некрашеного материала составляла заметный контраст одеяниям представителей торговых и рабовладельческих кругов региона – на вид столь же простым, но в действительности весьма дорогостоящим» [16, р. 17]. Аналогичный образ использован Дж. С. Лэском: «Стоит ли удивляться, что путь человечества к освобождению был значительно ускорен стараниями одного квакера <...> и Правда предстала перед людьми не как рыцарь в блестящих доспехах, но как Джон Вулмен в сельской домотканой одежде» [21, р. 40].

Акцентируя внимание на безыскусной, деревенской, «доматканой» одежде проповедника, многие авторы развивают при этом и другой мотив. «Домашней», «самодельной» представлена не только ткань одежды Вулмена, но и, образно говоря, «ткань» самого текста «Дневника». Почти у всех публицистов Вулмен показан самородком, человеком, чей талант как автора проистекает исключительно «изнутри», от его природных свойств или же от чувствуемого им божественного вдохновения, но ни в коей мере не от образования, чтения или других подобных «внешних» факторов. Робинсон употребляет применительно к Вулмену предложенное Руссо, а в дальнейшем использовавшееся Шиллером понятие «прекрасная душа» («человек, у которого моральный долг и склонность совпадают» [27, с. 825]). «Дневник», по замечанию Робинсона, – это «настоящая жемчужина! Сотворенная *schöne Seele* (прекрасной душой). Неграмотный портной создал прозу дивной чистоты и поэтичности. Его нравственные качества передались его книге...» [13, р. 2; цит. по: 3, р. 100].

В свою очередь, Уиттьер пишет: «Величайшая нравственная, социальная и политическая революция, ниспровергающая веками процветавшее зло, несомненно, своим первоначальным импульсом во многом обязана жизни и стараниям одного бедного, неученого труженика из Нью-Джерси...» [16, р. 2]. Тревел्यान описывает Вулмена как «бедного служащего», «квакерского Сократа», который, превзойдя «своего афинского прототипа в любви, терпении <...> в той же степени уступал ему по интеллекту» [19, р. 142, 136–137].

Неграмотность святого, однажды единомысленно сменяющаяся знанием грамоты, – распространенный мотив христианских агиографических текстов еще со времен раннего Средневековья [28, с. 25]. Интересна реализация этого мотива в случае Вулмена: «неграмотный» человек не просто вдруг постигает письменность (о данном этапе ничего не говорится), но чудесным образом создает выдающуюся книгу. Данный мотив, нередкий в рассматриваемом корпусе текстов, – возможно, самый удивительный по отношению к Вулмену, ведь представление о «неграмотном авторе» не только само по себе оксюморонно, но и противоречит тексту «Дневника», где Вулмен не раз говорит как о своем чтении, так и о написанных им эссе, составленных документах и др.

Иначе, с большим соответствием биографическим данным, реализуется агиографизация темы образования в «Историях сестры Руфи». Отвечая на вопросы детей, рассказчица говорит, что Вулмен был очень «усидчивым, послушным

и трудолюбивым мальчиком», который рано научился читать, хорошо знал Библию и в итоге стал довольно образованным для своей эпохи человеком [23, р. 12, 14, 23]. Здесь можно заметить характерный для житий мотив «детская любовь святого к чтению». Вместе с тем такая трактовка соответствует тексту «Дневника» и вполне подтверждается биографическими исследованиями [29].

Следующий мотив, на который нельзя не обратить внимания – это мотив, который можно назвать «сочетанием души ребенка с разумом взрослого». Понимая детство как период естественной, природной святости человека, многие авторы характеризуют Вулмена как «ребенка». Так, британская поэтесса и эссеист Дора Гринуэлл пишет: «...трудно передать, насколько этот замечательный человек был спокойным, сильным...» и при этом «похожим на ребенка» [30, р. 8]. Уиттьер в своем предисловии к «Дневнику» отмечает, что, возможно, многие читатели «улыбнутся, читая некоторые пассажи, исполненные детской простоты» [16, р. 49]. (Примечательно, что этот мотив используется и в посвященном Вулмену стихотворении американской квакерской поэтессы Элизабет Чендлер (1807–1834), которое открывается строчкой: «Был ты тихим, скромным, как дитя безгрешным...» (“*Meek, humble, sinless as a very child, / Such wert thou...*” [31, р. 51].))

Вместе с тем во многих из рассмотренных текстов о Вулмене (а отчасти и в самом «Дневнике») упоминается его *равнодушие к детским играм*. В первом же абзаце «Дневника» Вулмен рассказывает, как однажды в детстве, отойдя от играющих сверстников, стал читать Библию, и вспоминает чувство просветления, испытанное им тогда. Мотив избегания Вулменом детских игр воспроизводится многими авторами. Интересным исключением являются опять же «Истории сестры Руфи», в которых юным слушателям сообщается, что Вулмен, конечно, играл в детстве, но только в положенное время [23, р. 15].

Завершая обзор агиографических мотивов в образе Вулмена, обратимся к заметке в квакерском журнале «Френдс Ривью» (1852 г.), где опубликованы два своего рода исторических анекдота из жизни Вулмена, прославляющие его *абсолютную правдивость*. Согласно одному из анекдотов, слава о правдивости Вулмена была такова, что некие молодые люди решили даже нарочно подстроить ситуацию, в которой рассчитывали поймать его на неточности; однако им это не удалось. Избегая какого бы то ни было утрирования, проповедник, по утверждению анонимного автора заметки, всегда тщательно

формулировал свои высказывания, с тем чтобы говорить только то, за что может всецело поручиться [32, р. 485].

Суммируя агиографические мотивы в рассмотренных публицистических текстах, образ Джона Вулмена как «американского святого» можно охарактеризовать следующим образом. Чаще всего Вулмен предстает человеком малоимущим; в одном тексте, напротив, делается акцент на его перспективах обрести богатство, от которых он, однако, отказался. Из целого ряда профессий, которые Вулмен освоил в течение жизни, упоминается чаще всего только профессия портного. Вступая в прямое противоречие с текстом «Дневника» (и с самим фактом его существования), многие публицисты характеризуют Вулмена как малообразованного или даже вовсе неграмотного человека. На другом полюсе – служащий дидактическим примером образ Вулмена как человека, с детства посвящавшего много времени чтению.

Обращает на себя внимание также комплекс мотивов, связанных с понятиями детства, дома, родины. Благочестивая семья Вулмена; сам он на всю жизнь сохраняет искренность и безгрешность ребенка. Дом и сад Вулмена напоминают райскую обитель, умиротворенность которой служит контрастом мятежному миру вокруг. И сам проповедник, и его врожденная, идущая не от образования мудрость, «домотканая одежда», его родные места предстают в их агиографизированной интерпретации олицетворением святых, праведных начал, заложенных в американской истории. Вопреки знаменитому библейскому изречению, Вулмен становится для американской антирабовладельческой публицистики 1850–1940-х гг. «пророком» именно «в своем отечестве», моральным авторитетом и своего рода национальным героем, провидевшим неизбежность отмены рабства.

Используя такие стилистические средства, как гипербола (преувеличение исторической роли героя; абсолютизация положительных свойств его характера), сравнение (с мудрецами и святыми прошлого, знаменитыми современниками), метонимия (соотнесение качеств одежды, жилища героя с его собственными качествами), авторы рассмотренных текстов сосредоточены, прежде всего, на моделировании фигуры Вулмена как святого. Важно и то, что при сохранении основного сюжета в комментированных переложениях «Дневника» и посвященных ему эссе Вулмен является уже не первым, а третьим лицом, и эта метаморфоза сама по себе заметно «сгущает» тот элемент житийности, который есть в первоисточнике. Если рассказ самого проповедника можно действительно назвать

в определенном смысле «автобиографией без героя», то в рассмотренных публицистических текстах агиографизированный образ Вулмена играет, безусловно, главную роль.

Список литературы

1. Вулман Дж. Дневник. Ходатайство о бедных / пер. с англ. Т. А. Павловой. М. : Астрей, 1995. 336 с.
2. Woolman J. The Journal and Major Essays / ed. by Ph. P. Moulton. Richmond : Friends United Press, 2007. 336 p.
3. Perkins J. The European Reception of John Woolman's Journal // Quaker History. 1989. Vol. 69, № 2. P. 91–101.
4. Moulton Ph. P. Introduction // Woolman J. The Journal and Major Essays / ed. by Ph. P. Moulton. Richmond : Friends United Press, 2007. P. 3–16.
5. Бринтон Г. Друзья за 300 лет. История и вера Общества Друзей со времени основания квакерского движения Джорджем Фоксом // Библиотека сайта Quakers.ru. URL: <http://quakers.ru/друзья-за-300-лет-мистицизм/> (дата обращения: 12.11.2021).
6. Plank G. John Woolman's Path to the Peaceable Kingdom: A Quaker in the British Empire. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2012. 292 p.
7. Brinton H. H. Quaker Journals: Varieties of Religious Experience Among Friends. Philadelphia : Pendle Hill Publications, 1972. 130 p.
8. Gummere A.M. Introduction // The Journal and Essays of John Woolman. New York : The Macmillan Company, 1922. P. ix–xviii.
9. Couser G. Th. American Autobiography: The Prophetic Mode. Amherst: University of Massachusetts Press, 1979. 222 p.
10. O'Reilly M. R. John Woolman: The Unconstructed Self // The Tendering Presence: Essays on John Woolman / ed. by M. A. Heller. Philadelphia : Pendle Hill Publications, 2003. P. 133–147.
11. Апенко Е. М. Американские квакеры и литература // Вестник Удмуртского университета. 1994. № 4. С. 18–26.
12. Livesay E. K. John Woolman: Persona and Person. A Diss. submit. to the University of Delaware, 1976. 315 p.
13. Robinson H. C. Diary, Reminiscences and Correspondence : in 2 vols. / ed. by T. Sadler. New York : G. P. Putnam's Sons : The Knickerbocker Press, 1877. Vol. 2. 556 p.
14. Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография : Исследования. Публикации. Полемика / под ред. С. А. Семячко, Т. Р. Руди. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. С. 59–101.
15. Краснова Н. А., Краснов А. Г. Мотивы жития и агиологических жанровых вариантов // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14, № 2 (3). С. 740–747.
16. Whittier J. Introduction // The Journal of John Woolman. Boston : James R. Osgood & Co., 1871. P. 1–49.
17. Newton J. F. Wesley and Woolman: An Appraisal and Comparison. New York : The Abingdon Press, 1915. 80 p.

18. *Lucas E. V.* The Life of Charles Lamb : in 2 vols. : with 50 illustrations New York : G. P. Putnam's Sons : The Knickerbocker Press, 1905. Vol. 2. 550 p.
19. *Trevelyan G. M.* Clio, a Muse, and Other Essays Literary and Pedestrian. New York : Longman, Green & Co., 1913. 200 p.
20. *Scudder V. D.* Introduction // The Journal with Other Writings of John Woolman. London : J. M. Dent & Sons, ltd., E. P. Dutton & Co, 1910. P. vii–xix.
21. *Lask J. S.* John Woolman: Crusader for Freedom // *Phylon*. 1944. Vol. 5, № 1. P. 30–40.
22. *Teignmouth Shore W.* John Woolman: His Life and our Times: Being a Study in Applied Christianity. London : Macmillan & Co., 1913. 276 p.
23. *R. P. A.* Sister Ruth's Stories for the Young: or, Evenings with John Woolman. Philadelphia : J. B. Lippincott & Co., 1865. 124 p.
24. *Smellie A.* Introduction // The Journal of John Woolman. London : Books for the Heart, 1902. P. vii–xviii.
25. *McElroy F. L.* Prophets of Universal Redemption: Evangelical Antislavery Literature from John Woolman to Ottabah Cugoano. A Diss. submit. to Indiana University, 1987. 403 p.
26. *Stewart M. E.* John Woolman's "Kindness beyond Expression": Collective Identity vs. Individualism and White Supremacy // *Early American Literature*. 1991. Vol. 26, № 3. P. 251–275.
27. *Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалева, В. Г. Панова. М. : Советская энциклопедия, 1983. 840 с.*
28. *Лонарев X. М.* Византийские жития святых VIII–IX веков // *Византийский временник*. 1910. Т. 17. С. 1–124.
29. *Altman W. F.* John Woolman's Reading. A Diss. submit. to Florida State University, 1957. 293 p.
30. *Greenwell D.* John Woolman. London : F. B. Kitto, 1871. 60 p.
31. *The Poetical Works of Elizabeth Margaret Chandler: With a Memoir of Her Life and Character, by Benjamin Lundy.* Philadelphia : Lemuel Howell, 1836. 180 p.
32. *John Woolman // Friends Review: A Religious, Literary and Miscellaneous Journal*. 1852, Vol. 5, iss. 31. P. 485.

Поступила в редакцию 24.01.2022; одобрена после рецензирования 30.01.2022; принята к публикации 10.02.2022
The article was submitted 24.01.2022; approved after reviewing 30.01.2022; accepted for publication 10.02.2022